

Эммануэль Каррер

ИЗВЕРГ

когда правда
страшнее смерти

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2024

БОМБОРА Story

Emmanuel Carrère

L'Adversaire

Эммануэль Каррер

ИЗВЕРГ

когда правда
страшнее смерти

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2024

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
К26

Emmanuel Carrère
L'Adversaire

© P.O.L éditeur, 2000
Published by arrangement with SAS Lester Literary
Agency & Associates

Каррер, Эммануэль.
К26 Изверг. Когда правда страшнее смерти / Эммануэль
Каррер ; [перевод с французского Н. О. Хотинской]. —
Москва : Эксмо, 2024. — 256 с.

ISBN 978-5-04-205809-7

Жан-Клод Роман живет с женой и двумя детьми в уютном доме, в тихом благополучном городке на востоке Франции. Каждое утро он отвозит детей в школу, а затем едет на работу в Женеву по живописной дороге. Роман — известный врач, разрабатывает лекарство от рака во Всемирной организации здравоохранения. В Париже, куда он часто летает по работе, его встречает красивая любовница. Родители, которых он не забывает навещать, гордятся им, друзья и соседи уважают и даже немножко завидуют.

Никто не знает, что вся его жизнь — это пирамида виртуозной лжи, и вот уже 18 лет он живет в вечном страхе перед разоблачением...

«Изверг» — это завораживающий рассказ о зверских убийствах, непостижимом обмане и отчаянной логике, согласно которой легче умереть, чем рассказать близким правду

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-205809-7

© Хотинская Н.О., перевод на русский язык, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Субботним утром 9 января 1993 года, когда Жан-Клод Роман убивал свою семью, я был со своей на родительском собрании в школе Габриэля — это мой старший сын. Затем мы пошли обедать к моим родителям, а Жан-Клод — к своим, а после обеда убил их. Я был один у себя в студии всю вторую половину субботы и воскресенье, дни, которые обычно посвящаю семье и друзьям, так как заканчивал книгу, над которой работал уже целый год, — биографию писателя-фантаста Филипа К. Дика. В последней главе я рассказывал о днях, которые он провел в коме перед смертью. Я поставил точку во вторник вечером, а в среду утром прочел в «Либерасьон» первую статью о деле Романа.

Люк Ладмираль проснулся в понедельник в пятом часу утра от телефонного звонка — звонил Коттен, аптекарь из Превессена. В доме Романов пожар, и хорошо бы друзья приехали помочь, чтобы хоть что-то из мебели успеть спасти. Когда он примчался, пожарные выносили из дома тела. Всю жизнь ему будут вспоминаться серые, наглухо застегнутые пластиковые мешки, в которые положили детей: на них лучше было не смотреть. Флоранс просто прикрыли плащом. Ее почерневшее от копоти лицо совсем не пострадало. Люк пригладил ей волосы прощальным, скорбным жестом, и вдруг его пальцы наткнулись на что-то странное. Он осторожно повернул голову

молодой женщины и позвал пожарного, чтобы показать ему зияющую над самым затылком рану. Наверное, ее задело балкой, решил пожарный: чердак наполовину обрушился. После этого Люк забрался в красную машину, где уложили Жан-Клода, — он, единственный из всей семьи, еще дышал. Пульс бился еле-еле. Он был в пижаме, лежал без сознания, весь обгоревший, но уже холодный, как мертвец.

Прибывшая скорая помощь увезла его в больницу, в Женеву. Было еще темно, холодно, все вымокли под струями пожарных шлангов. Делать возле дома больше было нечего, и Люк пошел к Коттенам обсохнуть. В желтом свете кухни они слушали всхлипы кофеварки, не решаясь посмотреть друг на друга. Их руки дрожали, поднимая чашки, а ложечки звенели невыносимо громко. Потом Люк поехал домой, ему предстояло сообщить о случившемся Сесиль и детям. Софи, его старшая, была крестницей Жан-Клода. Пару дней назад она, как это бывало часто, ночевала у Романов, а могла ведь остаться у них и сегодня, и тогда тоже лежала бы сейчас в сером мешке.

Они вместе учились на медицинском факультете в Лионе и с тех пор были неразлучны. Женились почти одновременно, их дети вместе росли. Каждый знал о другом все, не только фасад, но и тайны — даже у порядочных мужчин и хороших мужей, закаленных от соблазнов, бывают тайны. Когда Жан-Клод признался, что завел любовницу, и заикнулся было о том, что пошлет все к чертям, именно Люк его образумил: «Долг платежом красен, я тоже могу когда-нибудь сорваться с катушек». Такая дружба много значит в жизни, очень много. Ею дорожат почти так же, как крепкой семьей. И Люк всегда твердо знал, что когда им стукнет шестьдесят или семьдесят, то с высоты этих лет, как с вершины горы, они вместе окинут взглядом пройденный путь, вспомнят, где споткнулись, а где чуть не сбились с дороги, как помогали друг другу и как в конечном итоге все преодолели. Друг, если он настоящий, — это ведь еще и свидетель, кто-то, чьими глазами виднее собственная жизнь. Так вот, Люк и Жан-Клод уже двадцать лет без громких слов были такими свидетелями друг для друга, и ни один ни разу другого не подвел. Их жизни были похожи, хотя преуспели они по-разному. Жан-

Клод стал большой шишкой в науке, накоротке общался с министрами и разъезжал по международным симпозиумам, тогда как Люк практиковал в Ферне-Вольтере. Но он не завидовал другу. Только в последние месяцы между ними пробежала кошка, и причина-то выеденного яйца не стоила — из-за школы, в которую ходили их дети. Непонятно, какая муха укусила Жан-Клода, но он ударился в амбицию, да так, что пришлось Люку сделать первый шаг: не ссориться же, в самом деле, из-за такой ерунды. Его эта история задела за живое, они с Сесиль обсуждали ее несколько вечеров подряд. Как смешно все это выглядело теперь. Какая хрупкая штука жизнь! Еще вчера была дружная счастливая семья, люди жили, любили друг друга, и вот теперь из-за какой-то неисправности отопления — обугленные тела, труповозка, морг... Жена и дети были для Жан-Клода всем. Как он сможет жить, если выкарабкается?

Люк позвонил в Женеву, в службу скорой помощи: пострадавшего поместили в барокамеру, шансы на то, что он выживет, невелики.

Вместе с Сесиль и детьми они молились, чтобы он не пришел в сознание.

У дверей кабинета Люка поджидали два жандарма. Вопросы они задавали какие-то странные. Хотели знать, не было ли у Романов врагов, не занимались ли они какой-либо противозаконной деятельностью. Он удивлялся, пока жандармы не выложили ему правду. Осмотр тел, даже без вскрытия, показал, что все трое умерли до пожара — Флоранс скончалась от ранений головы, нанесенных тупым предметом, а Антуана и Каролину застрелили.

И это было еще не все. В Клерво-ле-Лак сообщить страшную весть родителям Жан-Клода, больным старикам, выпало на долю его дяди. Тот отправился к ним, захватив с собой на всякий случай местного врача. Дом стоял запертый, собака не лаяла. Встревожившись, он высадил дверь и обнаружил супругов и собаку лежащими в лужах собственной крови. Они тоже были застрелены.

Убийство. Романов убили. Слово отзывалось потрясенным эхом в голове Люка. «Что-нибудь украли?» — спросил он. Это слово имело хоть какой-то смысл в данной ситуации. Жандармы сами еще не знали, но когда жертвами двух преступлений, совершенных на расстоянии 80 ки-

лометров друг от друга, становятся члены одной семьи, это похоже на месть или сведение счетов. Они снова и снова спрашивали о врагах, и Люк растерянно качал головой: враги у Романов? Романов все любили. Если их действительно кто-то убил, то наверняка это был чужой человек, нездешний, незнакомый с ними.

Жандармы даже не знали толком профессии Жан-Клода. Соседи называли его доктором, но кабинета у него не было. Люк объяснил, что он занимался научными исследованиями в штаб-квартире Всемирной организации здравоохранения в Женеве. Один из жандармов позвонил туда и попросил соединить его с кем-нибудь, кто работал с доктором Романом, — с его секретарем или с кем-то из коллег. Телефонистка доктора Романа не знала. Поскольку собеседник настаивал, она соединила его с главой отдела кадров, тот посмотрел личные дела и подтвердил: никакой доктор Роман в ВОЗ не работает.

И тогда Люк наконец понял и ощутил несказанное облегчение. Все, что происходило с четырех часов утра — звонок Коттена, пожар, раны на голове Флоранс, серые мешки, Жан-Клод в барокамере в ожоговом центре и, наконец,

этот бред об убийствах, — все это было так правдоподобно, так похоже на явь, что не возникало и тени сомнения, но теперь, слава богу, в сценарии случился сбой и стало ясно, что это такое: кошмарный сон. Сейчас он проснется в своей постели. Интересно, запомнит ли он все это и решится ли рассказать Жан-Клоду? «Мне приснилось, будто твой дом сгорел, жена, дети и родители убиты, сам ты лежишь в коме, а в ВОЗ тебя никто не знает». Можно ли брякнуть такое другу, даже лучшему другу? В голове Люка мелькнула мысль — она еще долго будет мучить его потом: Жан-Клод в этом сне был как бы его двойником, в нем воплотились его собственные страхи. Люк боялся потерять близких, да, но еще — потерять себя, обнаружить, что за его социальным фасадом ничегошеньки нет.

День еще не кончился, а явь чем дальше, тем больше походила на кошмарный сон. Люка вызвали в жандармерию, и через пять минут он уже знал, что в машине Жан-Клода нашли письмо, написанное его собственной рукой. В нем он брал на себя убийства, а по поводу карье-

ры и профессиональной деятельности писал, что все, о чем до этого было известно, — липа. Хватило нескольких телефонных звонков, чтобы навести справки, и обман был разоблачен. В ВОЗ никто его не знал. В корпорации врачей он не числился. В парижских больницах, где он будто бы стажировался, его имя не значилось ни в каких списках, так же как и на медицинском факультете Лионского университета, хотя Люк и многие другие выпускники могли поклясться, что учились с ним. Да, он действительно поступил, но не сдавал экзаменов с конца второго курса — и с этих пор все было ложью.

Люк поначалу просто отказывался верить. А если бы вам вдруг сказали, что ваш лучший друг, крестный вашей дочери, самый порядочный человек из всех, кого вы знаете, убил жену, детей и родителей и вдобавок много лет вам лгал, разве не продолжали бы вы доверять ему вопреки очевидным доказательствам? Грош цена дружбе, если отречься от нее с такой легкостью. Жан-Клод не мог быть убийцей. В этой головоломке недоставало какой-то детали. Ее непременно найдут, и все предстанет в ином свете.

Для Ладмиралей эти дни были ниспосланным с Небес испытанием. Христа схватили, судили и казнили как последнего преступника на глазах у Его учеников, но те все равно, хоть Петр и дал слабину, продолжали в Него верить. На третий день они узнали, что стояли на своем не зря. Сесиль и Люк тоже стояли на своем, изо всех сил стояли. Но на третий день, и даже раньше, были вынуждены признать, что надеялись напрасно и с этим теперь придется жить: скорбеть не только по тем, кого не стало, но и по утраченному доверию, по всей своей жизни, разъеденной ложью.

Если бы можно было оградить хотя бы детей! Сказать им только — и то язык с трудом поворачивался, — что Антуан и Каролина погибли, сгорели вместе с родителями. Но в этом не было никакого смысла, так как в считанные часы всю округу заполонили журналисты, фотографы, телевизионщики, они приставали с вопросами ко всем, даже к школьникам. Во вторник все уже знали, что Антуана, Каролину и их маму убил их папа, и он же потом поджег дом. Ночами детям снилось, будто их дом горит, а папочка делает с ними то же самое, что